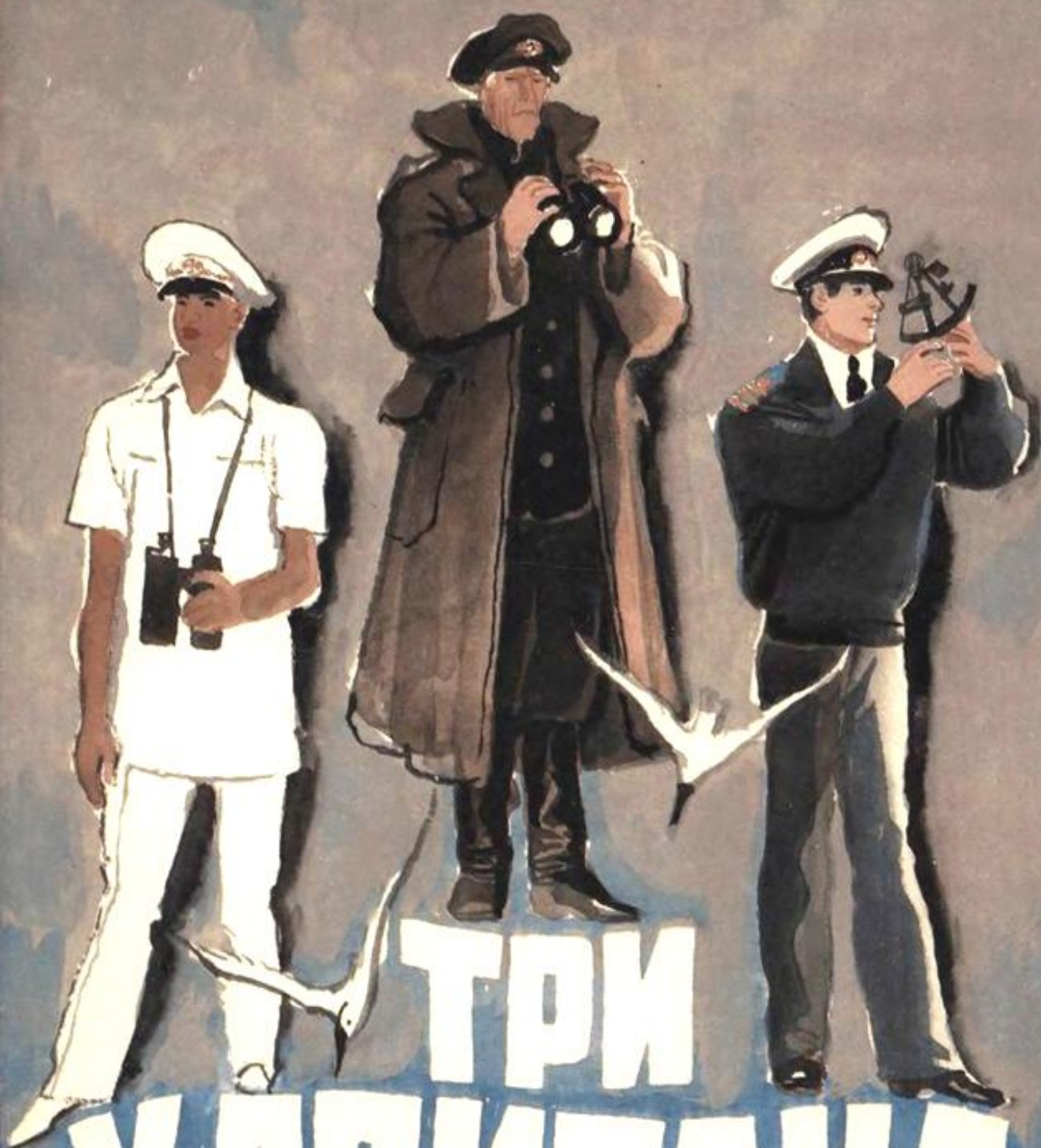

С. С А Х А Р Н О В

ТРИ КАПИТАНА

Издательство «Детская литература»

С. С А Х А Р Н О В

Р А С С К А З Ы

Рисунки
А. Слэнкова

МОСКВА
«Детская литература»
1985

КАПИТАН «ДОРОТЕИ»

Капитан Минаев был угрюмый старик. Другим капитанам везло. Они служили на сверкающих краской и медью паровых гигантах, командовали дизель-электроходами, пересекали ледяные просторы Арктики.

Минаев всю жизнь проплавал на старом маленьком пароходике со смешным названием «Доротея».

Пароходик ходил по заливу между Ленинградом и Кронштадтом и был кривоносый, с тонкой, как макаронина, трубой.

А теперь шла война. Это она вытащила старый пароход из залива, заставила пройти всё море и нынче гнала обратно в Ленинград.

Корабли отступали. Они шли, как усталые солдаты, цепочкой, один за другим.

Самым большим среди кораблей был «Восток». Он вёз раненых. В его каютах и трюмах, одна на другой, стояли зелёные больничные койки, а во весь борт — от воды до палубы — тревожно алел санитарный крест.

Самой маленькой была «Доротея». Грузённая фанерой, мукой и пробкой, она шла неподалёку от плавучего госпиталя, то и дело отставая от него.

— Эй, на пробковой фабрике! Мукомолы! — кричал с мостика капитан «Востока». — Плетётесь как черепаха. Взять на буксир?

— Обойдёмся! — бурчал обиженный Минаев и в который раз принимался ругать механика и кочегаров.

Он понимал: для парохода и для него этот рейс был последним. В Ленинграде «Доротею» ждал причал для идущих на слом кораблей, а его — больница. Сердце капитана уже никуда не годилось.

«Для этой войны мы оба слишком стары! — часто думал Минаев. — И «Доротея», и я... Тяжело: одни мины чего стоят!»

Да, хуже всего были мины.

Фашистские самолёты забросали ими всё море. Мины лежали на дне — молчаливые чёрно-зелёные снаряды.

Внутри их прятались магнитные стрелки. Стоило железной громаде парохода пройти над миной, как стрелка поворачивалась, включала ток — и оглушительный взрыв раскалывал воду. Чем тяжелее был корабль или чем больше железа было в его трюмах, тем скорее взлетал он на воздух.

Маленькой, лёгкой «Доротее» мины были не особенно страшны.

«Ох, если этот наскочит!» — думал Минаев, поглядывая на огромный «Восток».

Вдоль борта плавучего госпиталя стеной стояли фигурки в белых халатах. Когда «Доротея» подходила ближе, над палубой поднимался целый лес рук. Раненые считали маленький корабль своим товарищем: ему тоже приходилось туго.

Когда корабли пришли в Таллин, «Восток» и «Доротея» стали рядом.

Капитаны встретились на причале.

— Не сердись, Минаич, — сказал капитан «Востока». —

Про пробковую фабрику и мукомолов это я так, шутя. А вот машина у тебя тянет плохо. Дойдешь ли?

— Дойду... Тебе тоже достаётся. Если будут самолёты, ты как?

— От бомб? Отверну.

— А мины?

На этот вопрос капитан «Востока» ничего не ответил. Действительно, если пароход начнёт тонуть, как спасти тысячу раненых, половина из которых не может ни ходить, ни плавать?

В глубокой задумчивости Минаев простился с ним.

А через час на «Доротее» закипела работа. Из трюмов тюками выбрасывали пробку, выгружали муку и фанеру. Вместо них грузили железные болванки, рельсы, колёса, сыпали ящиками гвозди. На палубу рядами укладывали якорные цепи.

Когда погрузка закончилась, Минаев собрал команду.

— Ночью «Доротее» пойдёт впереди «Востока», — медленно начал он. Сегодня, как никогда, у него болело сердце. — Если на пути попадётся мина, нам конец: слишком много на корабле железа. Но мина достанется нам, а не ему, — капитан ткнул пальцем в сторону плавучего госпиталя. — Кто хочет идти в рейс — два шага вперёд!

В строю стояло четырнадцать человек. Одиннадцать шагнули вперёд, трое остались на месте. Собрав вещи, они ушли.

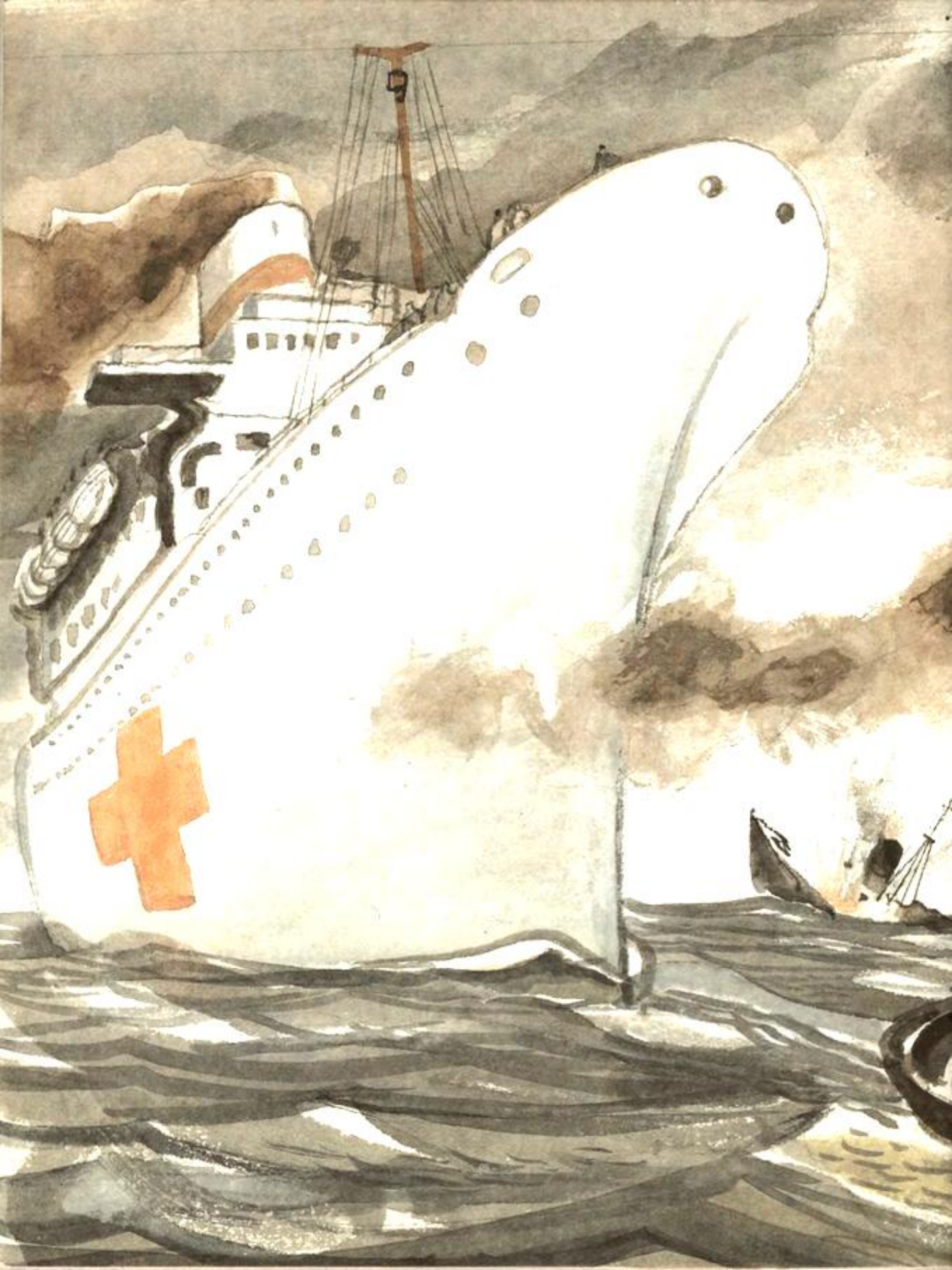
Когда караван вышел в море, «Доротее» стала впереди «Востока» и, густо дымя трубой-макарониной, начала прокладывать ему путь.

Она шла, тяжело осев под грузом железа в воду. Чуткие магнитные стрелки, которые раньше не замечали её приближения, теперь уже издали начинали покачиваться на тонких осях.

Но «Доротее» везло. Она то проходила в стороне, то между минами, и следом за нею уверенно двигался огромный «Восток».

Минаев не уходил с мостика. Никто из команды не спал. Дважды гул отдалённых взрывов долетал до них. Погибли два парохода, но «Восток» уцелел.

Кончилась ночь.

Оранжевое солнце поднялось над горизонтом. По носу кораблей встал из воды синий берег. Это был Кронштадт. За ним уже дымили трубы Ленинграда.

— Вот и всё! — устало проговорил Минаев и прислонился к стене рубки, держась рукой за сердце.

Вдруг страшный удар потряс «Доротею». Мина пришлась как раз на пути судна. Чёрный столб воды взметнулся над его палубой. «Доротея» провалилась под воду. Громадный пузырь воздуха из её трюмов с шумом вырвался на поверхность.

Не спасся никто.

«Восток» прошёл прямо через пятно, которое расплывалось на месте взрыва.

Белые фигурки раненых стояли вдоль борта. Люди молчали.

Огромный корабль, не меняя хода, уносил их всё дальше и дальше от того места, где закончился последний рейс «Доротеи» и её старого капитана.

ОСТРОВ НА БУКСИРЕ

Город стоял на берегу залива. В заливе с утра до вечера работали землечерпалки, а между ними носились белые катера и ползали неторопливые чёрные баржи.

Герасим учился в первом классе, сидел на задней парте, смотрел в окно на залив, на корабли и рисовал в тетрадках странных хвостатых животных и ракеты с изогнутыми, как у чаек, крыльями.

— Дай-ка тетрадь, что ты там рисуешь? — сказала, подходя к нему, учительница Алевтина Прокофьевна.— Что это такое?

— Собака.

— А почему она стоит на хвосте?

— Чтобы дальше видеть.

— Какой ужас! А это что?

— Ракета для жителей Луны. Чтобы они могли летать к нам на Землю.

— Но ведь на Луне нет никаких жителей! Вечно ты что-нибудь придумаешь. Надо поговорить с твоими родителями. Мама где?

— В зоопарке. В клетке.

— То есть как в клетке? А папа?

— Папа в Америке.

Класс дружно захохотал, а учительница развела руками. Ну и ну!

Папа Герасима не был в Америке. Он был в нескольких шагах от неё: он стоял на мостике океанского буксира и смотрел, как дрожит туго натянутый стальной канат. Рядом шёл второй буксир. Они тащили на канатах док. Третий буксир шёл сзади.

Док — это железная коробка, большая, как остров, высокая, пустая, с плоским дном и двумя полыми стенками. В нём ремонтируют корабли. Чтобы завести внутрь дока корабль, док притапливают — внутрь коробчатых стен напускают воду. Корабль стоит в доке, а десятки рабочих лазят под его днищем, скоблят, чистят, ремонтируют.

Когда буксиры подошли к берегу, они бросили якоря. Остановился и док, теперь он и вовсе стал похож на остров: по его высоким стенкам, как по скалам, забегали люди, а из кухонной трубы пошёл вкусный дымок.

— Механик! — крикнул папа. — Собирайтесь, пойдём на берег к директору канала. Будем просить, чтобы нас пропустили пораньше, надо торопиться.

— Да, да, верно, скорее бы пройти канал, — сказал механик.

А вот мама Герасима действительно была в зоопарке, в клетке. Она давала медведю лекарство. Медведь лежал на полу и жалобно стонал. Мама засунула в кусок хлеба круглую жёлтую таблетку, положила сверху кусочек сахара и протянула медведю. Тот съел и опять заскулил.

— Ничего, ничего, всё будет в порядке! — сказала мама. Она работала в зоопарке врачом. «Сегодня разговор по радио! — вспомнила она. — Не опоздал бы Герасим».

Герасим пришёл в зоопарк сразу же после школы и первым делом побежал к зверям.

В большой клетке стоял слон. Он сопел, переминался с ноги на ногу и громко шуршал кожей. Рядом в открытом бассейне два тюленя гонялись друг за другом. Плавая, они поворачивались кверху то тёмной спиной, то светлым пузом, и от этого в воде то вспыхивали, то гасли длинные светлые полосы.

Неподалёку стояла клетка, в которой был построен деревянный домик. Из него торчал чей-то толстый, как палка, коричневый хвост.

— «Кенгуру. Сумчатое животное. Водится в Австралии», — прочитал надпись на клетке мужчина. Он стоял рядом с Герасимом и тоже смотрел на хвост. В руке у него был бидон с квасом.

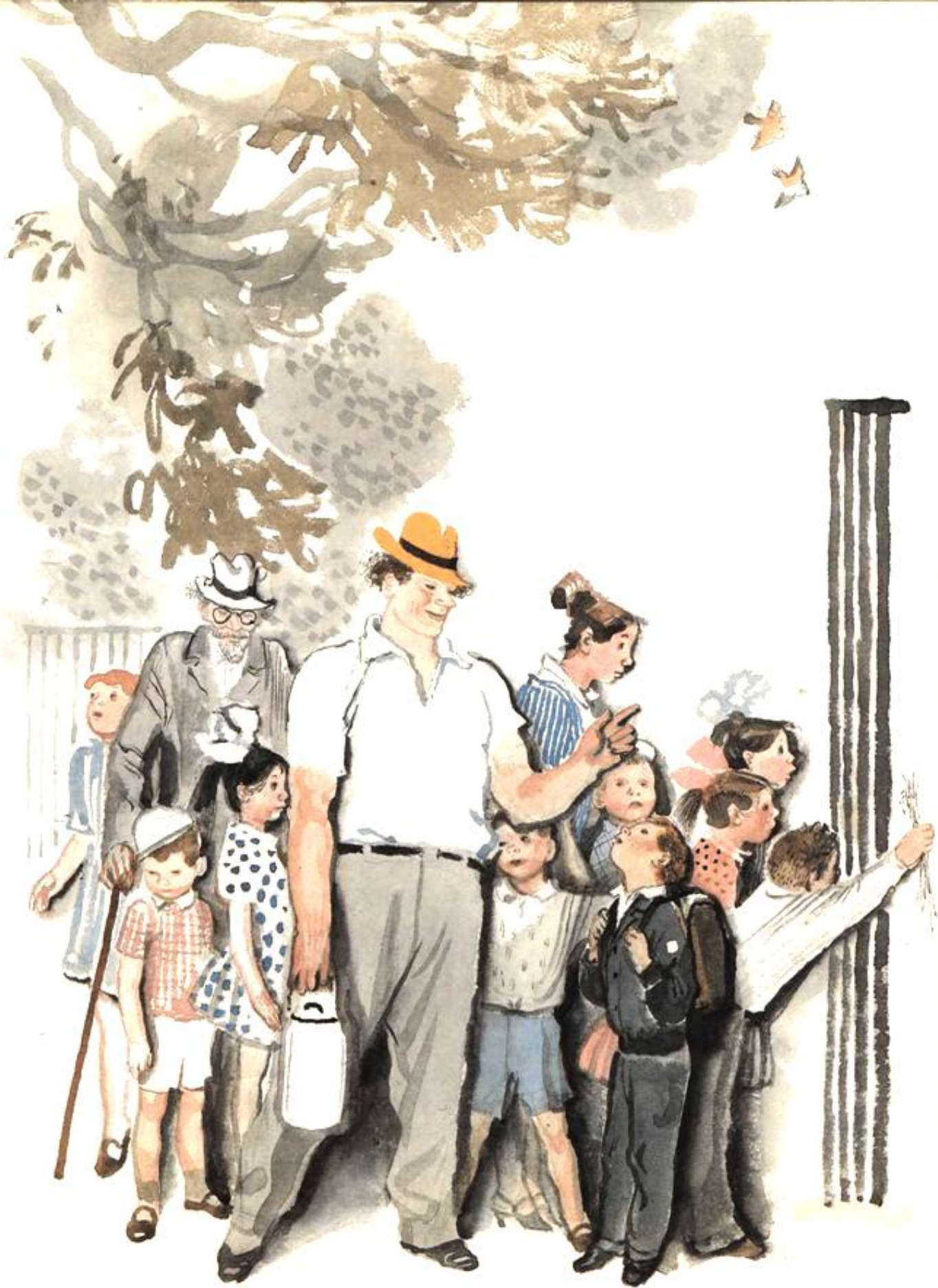
— В Австралии есть ещё сумчатые волки и сумчатые крысы, — подумав, сказал Герасим. — Если бы там водились слоны...

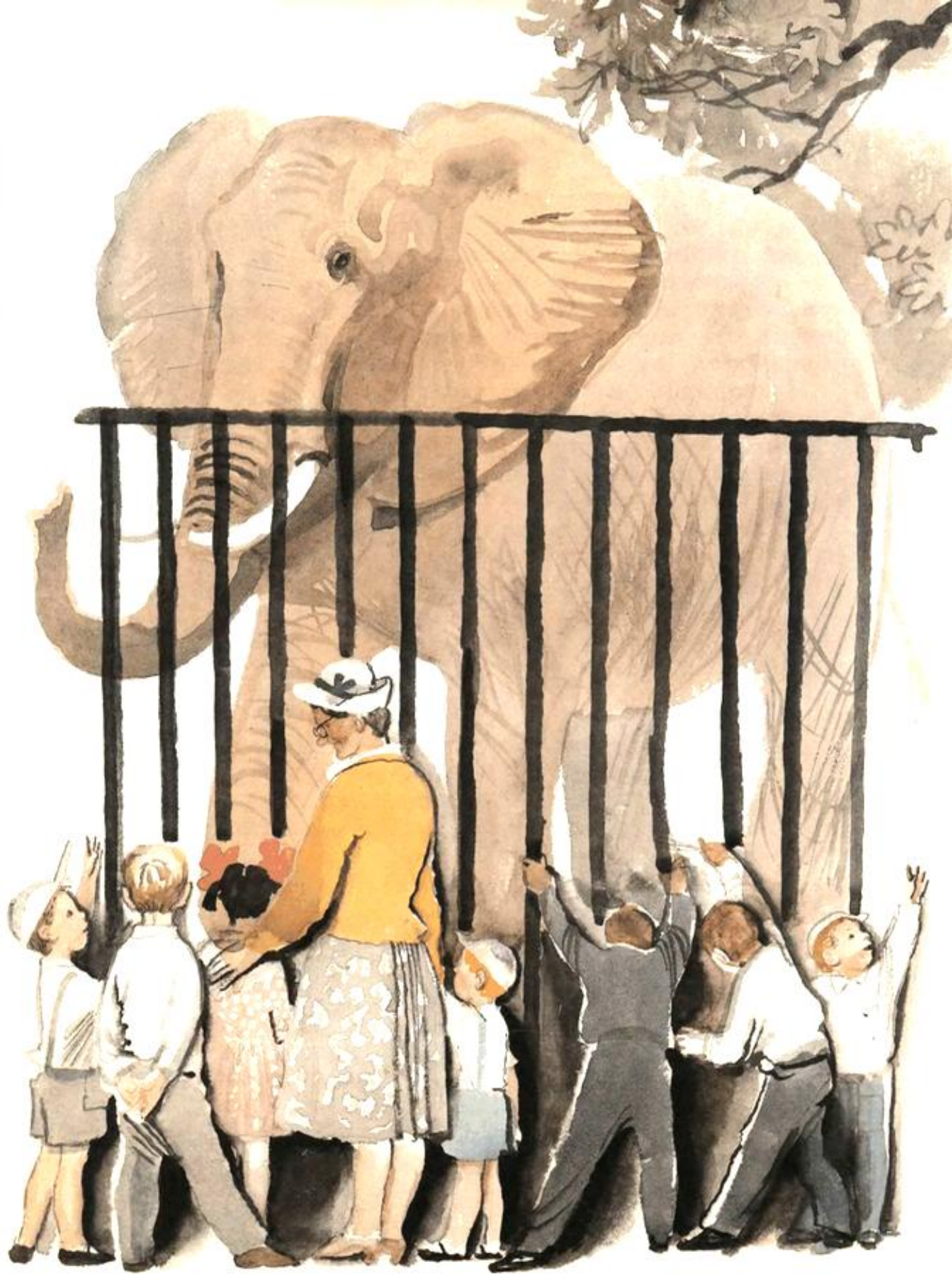
— Многого захотел, — сказал мужчина с квасом. — Зачем тебе сумчатые слоны?

— Герасим, ты где? — раздался мамин голос.

Надо было торопиться на радио.

А в это время папа уже сидел в кабинете директора канала. В кабинете было душно, солнце за окном палило изо всех сил, через раскалённые деревянные решётки в комнату текли струйки горячего воздуха. Директор отдувался, всё

время поворачивался на стуле и доставал из холодильника запотевшие бутылки с водой.

От жары директор еле шевелил губами, и от этого вместо слов у него всё время получалось: «Бу-бу-бу!»

За креслом директора стоял секретарь и переводил директорское «бу-бу-бу» на человеческий язык.

— Господин директор говорит,— переводил секретарь,— что два дня назад обвалилась одна из стенок канала. Начат ремонт. Но ваш док очень широк, и теперь он по каналу не пройдёт. Придётся вам плыть вот так!

И секретарь показал на стену. На стене висела карта, на ней были нарисованы два океана, две Америки — Северная и Южная — и два пути из одного океана в другой: один путь короткий, через канал, и второй длинный-предлинный, вокруг Южной Америки.

— Да вы что? — сказал папа.— Это же лишний месяц. Нас ждут — надо отремонтировать корабли.

Директор открыл ключом очередную бутылку: клак!

— Бу-бу-бу...

— К сожалению, ничем не можем помочь! — перевёл секретарь.

Говорить по радио с моряками пришло много людей. Их провели в комнату, где были кабины с микрофонами и где все стены были обиты картонными листами с дырочками. Здесь было тихо. Загудел гудочек, замигали лампочки, и передача началась.

— Ваша очередь первая! — сказала женщина в форме и провела маму с Герасимом в кабину.— Время — пять минут.

В кабине стоял микрофон, а на стене висели часы с секундной стрелкой и громкоговоритель.

— Вызываем буксирный теплоход «Илья Муромец»,— сказал громкоговоритель.— Слушайте нас, капитан Соколов! С вами говорят ваша жена и сын. Передаём микрофон семье.

Мама подтолкнула Герасима.

— Здравствуй, папа! — сказал Герасим.

— Здравствуй, Герасим! — ответил громкоговоритель папиным голосом. — Ну, как твои дела?

— Ничего. — И Герасим рассказал папе про Алевтину Прокофьевну, про тетрадь и про то, как мама лечила медведя.

— А у тебя как?

— Плохо. Понимаешь, большие неприятности. Можем задержаться на месяц. Не пролазим в канал. Док не влезает. Что делать — ума не приложу.

— А ты придумай!

— Надо придумать.

— Постарайся!

— Постараюсь.

Секундная стрелка бежала по циферблату, от пяти минут осталось совсем немного.

— Здравствуй, Алёша! — тихо сказала наконец мама.

На берегу канала стояла толпа. Чёрные и коричневые люди в пёстрых одеждах собрались в тени домов и ждали, когда поведут док.

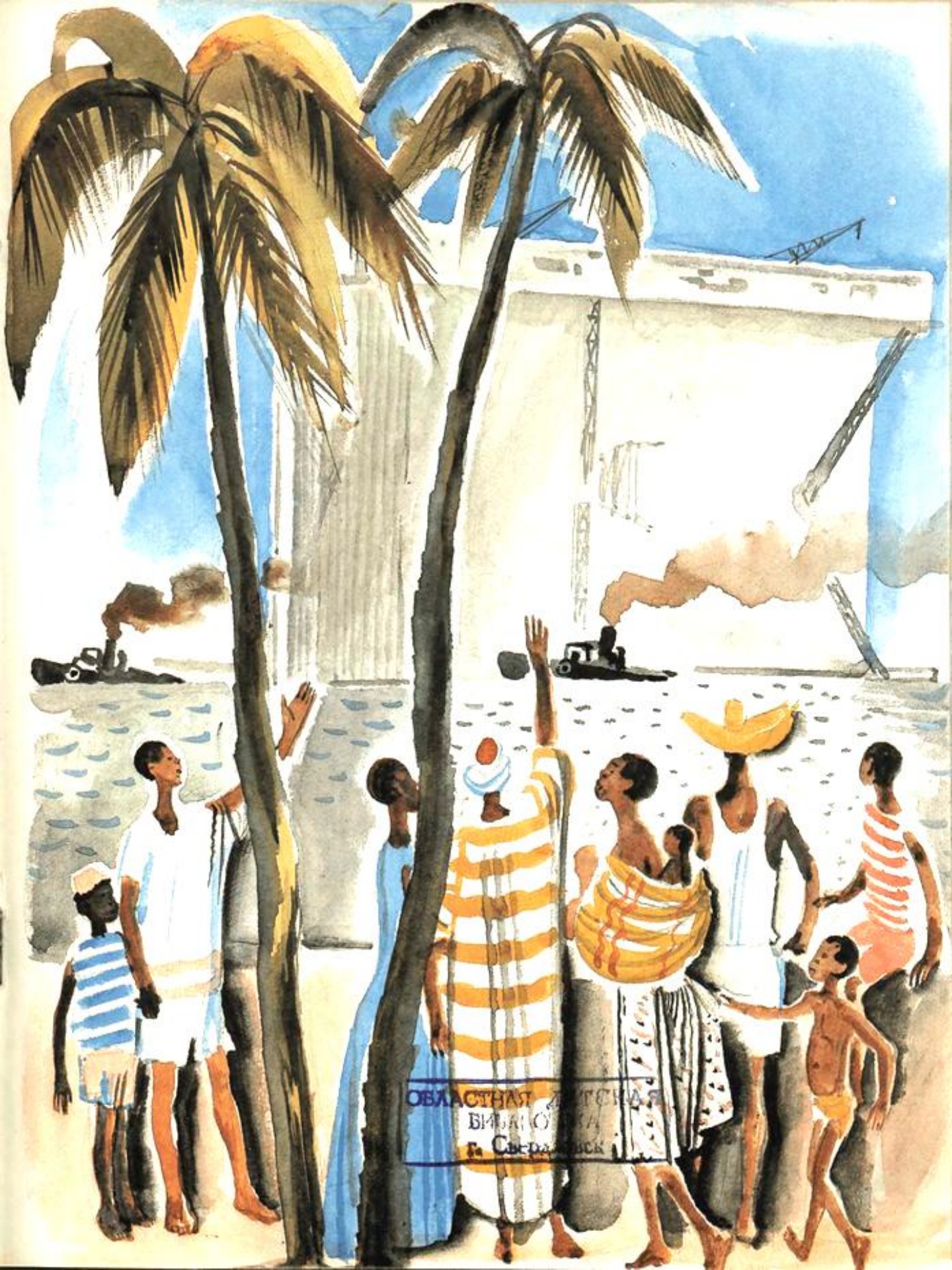
На балконе своей конторы, под громадным зонтом, сидел в кресле директор. Рядом с ним стоял секретарь.

Буксиры подали на док канаты. Док выбрал свои якоря.

— Начинаем затопление! — скомандовал папа, и матросы на доке полезли внутрь, к насосам и кранам.

Там они открыли краны, через которые в пустые коробчатые стены поступает вода. Но на этот раз они открыли краны только с одной стороны, и вода, с шумом хлынув в одну из стенок, начала наклонять док. Одна стенка поднималась, вторая всё глубже уходила в воду, док качнулся и лёг набок. Теперь он был похож на огромную спичечную коробку, поставленную на ребро. Ширина его сразу уменьшилась в два раза. Толпа, поняв, в чём дело, радостно загудела.

Буксиры стали опять — два впереди, один сзади, натянули канаты, док качнулся и тронулся с места. Высокая серая громада двигалась мимо белых домов, мимо набережной с пальмами. Чёрные капли стекали с огромного, как футбольное поле, задранного вверх днища.

ОБЛАСТНАЯ ДЕТЕСЯЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Сургут

— Бу-бу-бу! Просто удивительно,— сказал директор и ушёл с балкона, а секретарь побежал звонить по телефону, чтобы этих выдумщиков пропускали повсюду без очереди.

Папа стоял на капитанском мостике и смотрел в небо. Над буксиром плыли облака. Они были похожи на ракеты, на сумчатых животных, а одно облако было похоже даже на телефон. Папа вспомнил Герасима и вздохнул.

Огромный док — целый остров на боку — плыл по каналу.

МОРЯК ИЗ КЕРАЛЫ

Капитан Каушик стоял около трапа, по которому только что сошли с катера пассажиры, и терпеливо слушал, что говорит ему чиновник пароходной компании.

— Мы не для того доверили вам судно, чтобы вы бесплатно перевозили на нём разных оборванцев, — говорил чиновник. Он был в наглухо застёгнутом мундирчике, стоячий воротничок врезался в шею. Чиновнику было жарко и душно, но порядок есть порядок, и он продолжал выговаривать капитану.

Зелёная океанская вода в гавани медленно поднималась и опускалась. За молотом с глухим пушечным грохотом разбивались волны. Привязанный к причалу катер шевелился.

«Он совсем как живой, ему тоже скучно слушать нравов учения», — подумал Каушик.

Капитан родился на самом юге Индии в штате Керала. Там жарко и влажно, каждые четыре месяца зреют кукуруза и соя, а дерево гевея, если надрезать её кору, круглый год даёт белый тягучий резиновый сок.

Каушик жил в деревне с отцом и матерью и помогал им на маленьком поле, на клочке коричневой земли, как губка, пропитанной влагой. А потом, когда отец и мать неожиданно один за другим умерли, староста деревни отвёз его в город Кочин, сказав, что везёт к дяде.

Кочин разбросан по берегам узких протоков. Они образуют здесь лабиринт, по которому день и ночь идут пароходы, а рано утром, подняв треугольные паруса, скользят к выходу рыбацьи лодки.

У воды стоят крытые железом склады. Пароходы подходят к ним, и смуглые полуголые люди вереницей переносят на берег мешки с рисовыми и кукурузными зёрнами или липкие, пронзительно пахнущие светло-коричневые пачки табачных листьев.

Выше тянутся узкие улочки с глиняными белёными домами. В окнах нет стёкол, а двери всегда открыты настежь. Тут ютится бедный люд: носильщики, мужчины-прачки, рабочие маленьких фабрик. Ещё выше — асфальт, каменные дома, скрытые в зелени ухоженных садилов. Здесь цветут по весне маки, а над ними полыхает оранжевым и красным огненное «дерево Будды».

Дядя был больной, злой человек. Его мучило ожирение, он кряхтя ковылял по складу, ругал рабочих, которые в беспорядке сваливали мешки, и конторщика, который медленно считал их и записывал в книгу. Дядя часто доставал из кармана стеклянный пузырёк и, отсыпав на ладонь маленькие белые шарики, глотал их.

Он не любил объяснять мальчику, как пройти по городу и как найти нужного человека, какую надо купить в лавке бумагу для счетов и накладных. Каушик целый день бегал

по раскалённым улицам, а возвращаясь, всякий раз боялся, что дядя набросится на него с пощёлками или даже поколотит.

Скоро он понял, что если переезжать через лагуну, а не обходить её по берегу, то путь сократится в несколько раз, и тогда в жизнь его вошёл новый страх — страх перед капитанами и матросами паромов. Войдя с толпой переезжающих, он прятался в трюм между мешками и сидел там, слушая, как мешаются удары его испуганного сердца с ударами судового двигателя. Ждал, когда двигатель замолкнет, раздастся гортанная команда и причальные канаты упадут на землю.

Каушик сидел на камне около дверей склада, когда его окликнул конторщик:

— Дядя зовёт, скорей, парень!

— Прохлаждаешься на улице, лучше бы подмёл около ворот. И зачем только я согласился взять тебя? — забормотал дядя. Он был в плохом настроении и даже ущипнул мальчика за ухо. — Ступай, бездельник, на центральную почту, отправишь это письмо в Бомбей. Да смотри, чтобы тебе правильно выписали квитанцию, письмо должно стоить сорок пять пайса. Вот деньги!

И он отсчитал ему — монетка в монетку.

На пути в город Каушику повезло: он попал на большой паром, на котором перевозили автомобили, нашёл два грузовика, которые стояли так тесно, что между ними не мог протиснуться человек, залез под машину, лёг там около высокого, пахнущего резиной и бензином колеса и просидел всю дорогу.

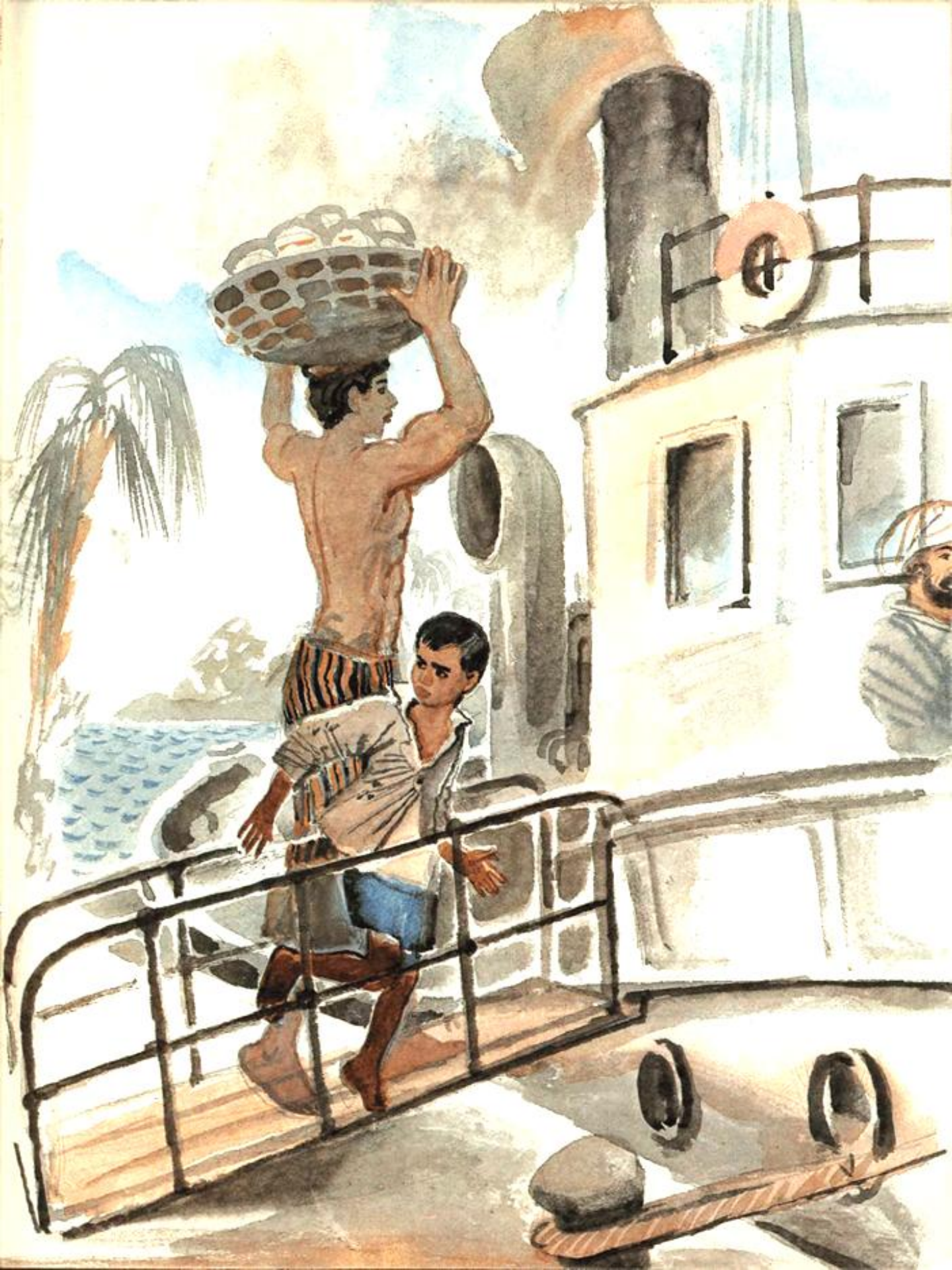
За пакет с него взяли ровно сорок пять пайса, и назад он шёл без гроша. Когда подошёл к берегу, отчаливал катер. Мальчик недолго думая прошмыгнул на него мимо матроса, который собирал у сходни плату за провоз.

На корме лежали два туго набитых мешка, и Каушик, свернувшись, как хвост спящей мангусты, лёг за ними. Стучал где-то в середине катера мотор, шелестела, вылетая из-под винта, вода. Мальчик задремал.

Проснулся он оттого, что кто-то дёргал его за ногу.

— Эй, это ты мне не платил? Думаешь, я не приметил

тебя? — Над самым его ухом кричал матрос, который собирал плату.— Вылезай, идём к капитану!

Он вытащил Каушика из-за мешков и повёл к мостику, на котором стоял около руля и машинного телеграфа пожилой морщинистый человек в рубашке на голое тело и в смятой морской фуражке.

— Кто ты такой? — спросил капитан, рассматривая мальчишку. Тот испуганно жался к брезенту, которым был обнесён мостик.

— Меня послали на почту.

— И поэтому ты не должен платить?

— Не сдавайте меня полиции, прошу вас,— взмолился Каушик.

— Я и не собираюсь этого делать. Кто твои родители?

Берега Кочина медленно проплывали мимо катера, от встречных лодок несло свежепойманной рыбой. Лицо у капитана было доброе, и Каушик рассказал о себе всё.

— Я хочу стать моряком, таким, как вы,— неожиданно для себя выпалил он.

— Значит, ты не хочешь жить у своего дяди? Не хочешь всю жизнь быть мальчиком на побегушках, а хочешь плавать? — протянул капитан.— Так, так... Но ведь он твой дядя, и по закону ты не можешь оставить его, пока не достиг совершеннолетия. Он, вероятно, твой опекун?

— Я думаю, что он вовсе мне и не дядя,— признался Каушик.— Он никогда не спрашивал меня об отце и матери, а они никогда не говорили, что у них есть в Кочине родственник. Это староста отвёз меня сюда. Он хотел избавиться от меня.

— Может быть, может быть...

Капитан задумался, а когда катер, скрипя железом о дерево, привалился к причалу, сказал:

— Ну ладно, останешься пока у нас. Посмотрим, что будет.

Так началась для Каушика новая жизнь. На катере было ещё тяжелее, чем в складе: мальчик убирал вместе с двумя палубными матросами весь катер, носил мешки с продуктами и ящики с запасными частями для мотора, научился варить обед и дежурить у трапа в самые тяжёлые ночные часы,

когда слипаются глаза и плечи наливаются свинцом. Он научился обмениваться сигналами с проходящими катерами и с сигнальным постом, который наблюдает за движением по лагуне. И хотя к вечеру он валялся на койку как убитый, никогда не жалел, что остался.

Однажды, когда Каушик стоял около сходни и собирал с пассажиров монетки за проезд, он увидел, что к катеру идёт дядя.

Сердце мальчика оборвалось, он метнулся по сходне и, убежав в ходовую рубку, которая была и каютой капитана, прижался к стенке.

— В чём дело? — спросил капитан. — Почему ты вошёл, не постучав?

— Здесь... мой дядя... — пробормотал испуганный Каушик. — Я боюсь.

Капитан вышел, притворив дверь. Немного погодя застучал мотор, катер снялся. Первый раз Каушик не помогал на переходе матросам.

— Он ни о чём меня не спросил. У него очень больной вид. Я думаю, он поехал в город к врачу. Иди занимайся своими делами, — сказал, вернувшись в каюту, капитан.

Это случилось в июле в разгар муссона, когда каждый день с утра до вечера дождь развешивает над берегом свои серые полотнища.

Катер наняли тащить из одного города в другой баржу, гружённую мешками с джутом. Мешки были лёгкие, и хозяин баржи не поскупился, навалил целую гору.

Баржу привязали к катеру стальным тросом, и катер, постукивая мотором и таща её за собой, отошёл от причала. Дождь, который с утра падал мелкими каплями, набрал силу. Капли стали тяжёлыми и плотными, берег исчез за серой пеленой воды, по палубе катились пенные потоки. Лица у людей покрылись, как оспинами, жёлтыми каплями, рубахи намокли и облепили тела.

Потеряв из вида берег, капитан уменьшил ход, а затем вообще дал «стоп». Катер закачался на мелких чешуйчатых волнах. Дождь уже хлестал не переставая, стальной трос

провис и ушёл в воду. Баржи за белой стеной дождя не было видно.

И вдруг случилось непонятное: трос вырвался из воды, натянулся как струна, катер поволокло назад. Матросы бросились на корму, капитан сбежал с мостика. Трос, вздрагивая, продолжал волочить их.

Наконец катер остановился, осел на корму, нос его задрался к небу, из трюма и кают с рёвом и свистом стал вылетать воздух. Катер задрожал и стремительно, кормой вниз ушёл под воду.

...Каушик очнулся в больнице, на койке. Над ним склонилось лицо человека в белом халате. Врач положил мальчику руку на лоб, послушал, как бьётся сердце, и сказал:

— Этот будет жить.

В газетах, которые прочитали мальчику, было потом написано, что мешки с джутом на барже были плохо укрыты, намокли и стали тяжёлыми, как камни. Баржа, нагруженная сверх всякой меры, стала тонуть, а когда она пошла на дно, то утащила за собой и катер. Погибли капитан и почти вся команда.

Из спасшихся никто, кроме Каушика, не вернулся на море. А Каушик — помогла газета: она собрала нужные деньги среди читателей — уехал из Кочина, чтобы учиться, и со временем стал капитаном.

Катер, на котором он теперь служит, ходит из Мадраса на юг в местечко Махалибапурам. Там из древних чёрных камней — древнее камней, говорят, нет на земле — изваяны в скалах храмы. Огромные чёрные безмолвные слоны поддерживают спинами своды, и тусклые оранжевые огоньки свеч днём и ночью горят перед изваяниями странных многоруких богов. В деревнях вокруг народ живёт бедно, и поэтому многие садятся на катер, чтобы попытать счастья в большом многолюдном Мадрасе.

...— Компания не потерпит, чтобы ей наносили убыток, перевоза бесплатных пассажиров, — закончил чиновник, и, не прощаясь, пошёл от причала, прямой как палка, страдающий от жары, с кожаной папкой под мышкой.

— Что он вам выговаривал, капитан? — спросил портовый механик. Они с Каушиком нравились друг другу.

— Так, пустяки.

— А что вы сказали ему? Отчего он поморщился, словно проглотил кислое яблоко бильвы?

— Я сказал, что всегда, пока плаваю, буду брать в рейс по одному босоногому оборванному мальчишке. По одному, но буду. Пусть компания терпит.

СОДЕРЖАНИЕ

КАПИТАН «ДОРТЕИ»

3

ОСТРОВ НА БУКСИРЕ

9

МОРЯК ИЗ КЕРАЛЫ

19

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Святослав Владимирович Сахарнов

ТРИ КАПИТАНА

Рассказы

ИБ № 8211

Ответственный редактор *К. Д. Арон*
Художественный редактор *Н. Г. Найдёнова*
Технический редактор *Л. С. Стёпина*
Корректор *Э. Н. Сизова*

Сдано в набор 26.09.84. Подписано к печати 21.01.85. Формат 84×108¹/₁₆. Бум. офсет. № 1.
Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 15,12. Уч.-изд. л. 3,23.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 6231. Цена 30 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы
народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли, 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли,
127018, Москва, Сушёвский вал, 49.

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя